Гусенова Д. А. Рецензия на монографию Закарияева З. Ш. «Мусульманская эпиграфика Южного Дагестана. Т. I. Надписи Ахтынского района» / отв. ред. В. О. Бобровников; Ин-т востоковедения РАН; Дагестанский гос. ун-т. М.: Наука – Вост. лит., 2025. – 543 с. // Исламоведение. 2026. Т. 17, № 2 (68). С. 105–115

DOI: 10.21779/2077-8155-2026-17-2-105-115

УДК 291.1

Содержание статьи

Введение.
Пространственно-временная локализация и исторический контекст формирования комплекса эпиграфического материала.
Характеристика Основной части монографии.
Строительные надписи.
Исторические сведения.
Заключение.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 22.05.2026
Передана на рецензию: 26.05.2026
Получена рецензия: 19.06.2026
Принята в номер: 25.06.2026

Рецензия на монографию Закарияева З. Ш. «Мусульманская эпиграфика Южного Дагестана. Т. I. Надписи Ахтынского района» / отв. ред. В.О. Бобровников; Ин-т востоковедения РАН; Дагестанский гос. ун-т. – М.: Наука – Вост. лит., 2025. – 543 с.

Дагестанский государственный университет; gusenowa03111978@yandex.ru

Аннотация. В рецензии представлен аналитический обзор содержания монографии «Мусульманская эпиграфика Южного Дагестана. Т. I. Надписи Ахтынского района», обобщающий результаты многолетнего труда автора по сбору и систематизации преимущественно арабоязычной эпиграфики региона. Сильной стороной монографии является формирование у читателя целостного представления о зафиксированных и проанализированных более 513 мусульманских эпиграфических надписях, собранных в 32 населённых пунктах Ахтынского района Республики Дагестан, позволяющих осмыслить глубину восприятия религиозных традиций местным населением, уровень их грамотности и степень владения арабским языком и т. д.

Монография содержит архивные данные и посемейные списки, приведённые в качестве дополнения к эпиграфическим материалам. Проведённый в монографии анализ позволяет выделить две категории сведений из мусульманских эпиграфических источников: строительные надписи и исторические сведения. В первом случае речь идёт о месте проживания и дате смерти религиозных деятелей, выдающихся личностей, о строительстве или реконструкции святилищ, зияратов, мостов, о вакфных записях и т. д. Автор монографии провел скрупулёзную работу по сбору и систематизации материалов из заброшенных поселений, что позволяет воспроизвести духовную жизнь в тех местах. Отдельный интерес представляют и куфические надписи, обнаруженные в мечетях, святилищах и на надмогильных плитах.

Ко второй категории причислены сведения о значимых событиях, в том числе о Кавказской войне и Восстании горцев 1877 года, тухумах, социально-статусных и гендерных особенностях захоронений, специфике передачи некоторых русских терминов и имен посредством арабского языка и т. д. Датировка некоторых надписей позволяет проследить изменения в духовной жизни местных жителей до и после Октябрьской революции 1917 года, смену или сочетание календаря по хиджре и григорианского летоисчисления. Нами высказываются замечания в связи с неравномерным анализом собранных материалов.

[1] *Гусенова Джамиля Адамкадиевна* – к. филос. н., доцент кафедры философии и социально-политических наук; https://orcid.org/0000-0002-9045-254X.

Ключевые слова: эпиграфические надписи, арабоязычная эпиграфика Дагестана, эпиграфика Южного Дагестана, строительные записи, вакфные записи, зиярат.

DOI: 10.21779/2077-8155-2026-17-2-105-115

UDC 297.1

Content of the article

Introduction.
Spatiotemporal localization and historical context of the formation of the epigraphic material complex.
Characteristics of the main part of the monograph.
Building inscriptions.
Historical information.
Conclusion.

Information about the article

Received: 22.05.2026
Submitted for review: 26.05.2026
Review received: 19.06.2026
Accepted for publication: 25.06.2026

Review of Z.Sh. Zakariaev's Monograph, “Muslim Epigraphy of Southern Dagestan. Vol. 1. Inscriptions of Akhty District” (ed. by V. O. Bobrovnikov; Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Dagestan State University. Moscow: Nauka – Vost. Lit., 2025. – 543 p.)

***D. A. Gusenova*[2]**

Dagestan State University; gusenowa03111978@yandex.ru

Abstract. This review presents an analytical overview of the monograph “Muslim Epigraphy of Southern Dagestan. Vol. 1. Inscriptions of Akhty District” by Z.Sh. Zakariaev that summarizes the author's many years of work collecting and systematizing primarily Arabic-language epigraphy in the region. The reviewer notes that the monograph's strength lies in its ability to provide the reader with a holistic understanding of more than 500 Muslim epigraphic inscriptions recorded and analyzed by the author. Collected in 32 settlements in Akhty District of the Republic of Dagestan, the inscriptions allow to understand the depth of the local population's religious traditions, their level of literacy and Arabic proficiency, the syncretism between Islamic doctrine and local pre-Islamic religious beliefs, etc. To supplement the epigraphic materials, the author includes various archival data and family lists. The analysis conducted in the monograph allows to distinguish two categories of information from Muslim epigraphic sources – building inscriptions and historical information. The former include information about the residence and date of death of religious figures and prominent personalities, the construction or reconstruction of shrines, *ziyarats*, bridges, as well as *waqf* records, etc. A distinctive feature of the monograph is the meticulous work of collecting and systematizing materials from abandoned settlements, allowing to reconstruct the long-lost spiritual life of those places. Of particular interest are the oldest Kufic inscriptions discovered in mosques, shrines, and on tombstones. The second category includes information concerning significant events, including the Caucasian War and the Highlander Uprising of 1877, *tukhums* (ceremonies of remembrance), social status and gender characteristics of the burials, the specifics of rendering certain Russian terms and names into Arabic, and so on. The dating of some inscriptions makes it possible to trace the metamorphosis of the spiritual life of local residents before and after the October Revolution of 1917, as well as the transition or combination of the Hijri and Gregorian calendars. The review also offers comments and suggestions regarding the uneven analysis of the collected materials.

[2] *Dzhamilya A. Gusenova* – Cand. Sc. (Philosophy), associate professor, Department of Philosophy and Socio-Political Sciences; Dagestan State University https://orcid.org/0000-0002-9045-254X.

Keywords: epigraphic inscriptions, Arabic-language epigraphy of Dagestan, epigraphy of Southern Dagestan, construction records, *waqf* records, *ziyarat.*

Введение

В 2025 году опубликована монография доктора исторических наук, профессора Закарияева Замира Шахбановича «Мусульманская эпиграфика Южного Дагестана. Т. I. Надписи Ахтынского района» (Москва: Наука – Вост. лит., 2025. – 543 с.), специалиста по арабоязычной эпиграфике, долгие годы занимающегося этой проблемой [2–5]. Рецензируемая монография является результатом сборов, систематизации и анализа полевого материала, накопленного в многочисленных научных экспедициях в период с 2016 по 2024 гг. В монографии не ставится целью анализ исторической эпохи, на которую приходится весь приводимый в ней эпиграфический материал (это почти тысячелетний период – с XI до первой трети XX в.). Она предстает эпиграфическим корпусом, дополненным различными архивными материалами Южного Дагестана. В этом и видится сильная ее сторона, благодаря которой монография может стать «настольной книгой» для историков и религиоведов уже потому, что в ней не только приводятся тексты на русском и арабском языках, но и прикладывается фотографический материал к каждой из этих надписей, что позволяет верифицировать авторский перевод. Данный подход представляется особенно ценным для историков, поскольку содержит достоверные источники.

Ещё одна сильная сторона монографии, отличающая её от существующих тематически близких исследований, – масштабность проведённой автором работы. В научный оборот впервые вводится более пятисот эпиграфических надписей разных жанров, а для многих уже известных надписей предлагаются новое прочтение, перевод, научная интерпретация либо альтернативная датировка. Свою задачу по выявлению неизученного прежде эпиграфического наследия региона автор решает с помощью скрупулёзного анализа не только самих арабоязычных надписей, но и стиля арабских почерков, описания орнаментальных мотивов, форм памятников. Помимо арабоязычных текстов в монографии упоминаются надписи на персидском [4, с. 63] и тюркском [4, с. 183] языках, что требует учёта этого многообразия и отражения в названии монографии формулировки «мусульманской эпиграфики», хотя все эти надписи дают нам сведения о лицах, сопричастных к распространению и укреплению исламского вероучения в регионе.

В монографии успешно применены методики просопографии и сплошной фиксации эпиграфических памятников. Административно-территориальная локализация (Ахтынский район) потребовала географического принципа в систематизации собранного материала, что позволило вынести «на поверхность» условные зоны концентрации тех или иных эпиграфических надписей.

Ещё одним методологическим приёмом стало сопровождение переводов арабских надписей научными комментариями с активным привлечением сведений из архивов, посемейных списков и старинных исламских рукописей, собранных автором.

Подчёркивая важность и своевременность выхода в свет рецензируемой монографии, отметим актуальность для дагестанской науки самой проблематики в свете радикализации среди молодёжи, обвиняющей старшее поколение в недостаточной религиозности и отходе от «истинных» канонов ислама. В этом ключе эпиграфические надписи являются беспристрастными «свидетелями» духовной жизни дагестанцев, выступают ключевыми источниками по истории ислама в Дагестане наряду с привнесённой вместе с исламом книжной культурой и архитектурой.

Научное сообщество отмечает высокую достоверность, а потому востребованность подобных исследований [1; 7–11]. Но несмотря на весомые успехи отечественной науки по

выявлению, переводу и научной интерпретации мусульманских эпиграфических надписей, работа все еще далека от завершения, поскольку множество из них «не исследовано, их данные не введены в научный оборот и остаются вне поля зрения специалистов» [4, с. 18]. Сохранившиеся до наших дней надписи постепенно разрушаются, поэтому их фотофиксация, описание, документирование – необходимое условие сохранения историко-культурного наследия Дагестана.

В структурном плане монография включает в себя предисловие, введение, тексты надписей, описаний, переводов и комментарий, заключение, список литературы, указатели, список строительных и владельческих надписей, список сокращений.

Пространственно-временная локализация и исторический контекст формирования комплекса эпиграфического материала

Пространственно-временная локализация и исторический контекст материала, вынесенные в название данного раздела рецензии, очевидно, были заложены самим автором, но не вынесены в качестве самостоятельного раздела монографии, а включены в её предисловие и вводную часть.

В *Предисловии* [4, с. 8–13] даётся краткое сообщение о самурских лезгинах, как одной из трех основных историко-этнографических групп наряду с кюринскими и кубинскими. Указывается географическое месторасположение их поселений – в среднем течении реки Самур и ее многочисленных притоков, в границах Докузпаринского, Рутульского и Ахтынского районов. Выбор последнего автор объясняет тем, что он «относится к числу наиболее богатых эпиграфикой районов Дагестана, причем как в количественном отношении, так и в отношении историко-культурной ценности имеющихся здесь арабографичных надписей» [4, с. 10].

Во *Введении* [4, с. 14–36] в историко-культурном ракурсе описываются эпиграфические памятники, даются их классификация и общая характеристика, раскрывается история изучения мусульманских надписей Ахтынского района. Краткий экскурс в историю самурских лезгин начинается с периода распада Кавказской Албании. Описывается многовековой процесс исламизации региона, оставивший на территории Южного Дагестана огромный пласт материальной культуры: древние мечети, в частности в селах Каракюре, Ахты, Микрах, Хнов, Зрых и др., и эпиграфические надписи, сообщающие о политических событиях в регионе с VIII по XVIII в. и т.д. Далее подробно рассматривается период присоединения в 1839 г. к Российской империи Самурского региона, с пояснениями, какие земли тогда входили в его состав: Ахты-пара, Докуз-пара и Рутульский р-н. Завершается историческая справка 1921 годом, когда Самурский округ вошел в состав новообразованной Дагестанской АССР [4, с. 14–36]. Эта информация особенно полезна, поскольку поясняет исторический контекст формирования представленного комплекса эпиграфического материала.

Характеристика Основной части монографии

Основная часть монографии представлена разделом «*Тексты надписей, описания, переводы и комментарии»* [4, с. 37–505]. Это самый большой раздел в монографии, состоящий из подразделов по названиям сёл Ахтынского района: от «А» до «Я», от сел. Ахты до Ялцуга. Всего 32 населённых пункта, в числе которых упразднённые, заброшенные, ныне официально не существующие сёла, тем не менее научный интерес к ним не ослабевает. Это Балуджа, Гра, Джигджиг, Ихир, Кахул, Куджах, Лгар, Маза, Усур, Филидзах, Хал, Храх, Хуля, Ялцуг.

В книге представлено 513 надписей, хотя фактически их больше, поскольку в одно и то же описание в ряде случаев включены две-три отдельные небольшие надписи, расположенные рядом. Самое большое количество надписей приходится на село Ахты.

Примечательно, что до сих пор здешние эпиграфические надписи изучались выборочно, и науке известны были в основном куфические средневековые (XI–XIII вв.) тексты, многие из которых введены в научный оборот ещё Л. И. Лавровым. Но в рецензируемой монографии автор представил более полный список – 134 [4, с. 37–161].

Впечатляет и расположение твёрдых носителей, на которых фиксировались надписи, обнаруженные в самых разных местах: в стенах каменной кладки жилых и ныне разрушенных домов, во вмонтированных плитах действующих и полуразрушенных местных квартальных и джума-мечетей, во дворах или над входом жилых домов, на полях, на улицах. Монография позволяет сформировать целостное впечатление и о том, каким образом надписи обрамлялись растительным орнаментом (как правило, вьюнками). Но встречаются и композиции с изображениями полумесяца, звезды и даже птиц [4, с. 181]. Иногда использовался ромбовидный и сетчатый орнамент [4, с. 209]. Среди нанесённых изображений встречаются холодное оружие, молотки, щипцы и другие инструменты [4, с. 210], изображения петрографики, включая стрелу либо копье [4, с. 227]. Примечательно и то, что после Октябрьской революции 1917 года использовалось сочетание арабской вязи с советской символикой – серпом и молотом, как отражение своеобразия эпохи [4, с. 270] (рис. 1).

Рис. Строительная надпись в сел. Луткун

Об укоренённости религиозного сознания у народов Южного Дагестана свидетельствует характер оформления текстов вводной части эпиграфических материалов – строками Корана и хадисов, шахады [4, с. 189, 195 и т. д.], вирдов [4, с. 86], мусульманской вступительной формулой «басмала» [4, с. 193, 214 и т. д.], цитатами четырёх праведных халифов [4, с. 94, 104], изречениями, приписываемыми имаму Мухаммаду б. Идрис аш-Шафии [4, с. 229]. Зачастую эпиграфические надписи начинаются с изречений известных арабских поэтов-философов, что подчёркивает интерес дагестанцев к поэзии и, возможно, определённую склонность к эсхатологическим размышлениям. В числе наиболее популярных цитат оказываются строки первого арабского философа-поэта, основателя философско-аскетического направления в поэзии Абу-л-ʻАтахийи: «Смерть – чаша, каждый пьет из нее, могила – дверь, каждый входит в нее» [4]. Или в более расширенном его варианте:

«Смерть – чаша, каждый выпьет из нее.
Саван – одежда, каждый наденет ее.
Погребальные носилки [джаназат] – средство передвижения,
каждого поместят на них» [4, с. 179].

Встречаются назидания из стихов четвёртого праведного халифа, имама Али б. Аби Талиба:

«Достаточно тебе [назидания] в смерти юноши.
Ведь смерть не щадит и молодых.
Воистину, и тебя однажды обязательно настигнет смерть.
Воистину, смерть постучится в каждую дверь.
Ведь смерть не оставляет красивых, а могила не щадит молодых» [4].

Часто используется текст арабского поэта VII в. Каʻба б. Зухайра: «Каждого человека, даже если он здоров и силен, однажды понесут на погребальных носилках к его могиле» [4].

О глубоком проникновении арабо-мусульманской культуры в Южный Дагестан свидетельствует повсеместное использование местными строителями при гравировке не только арабского языка, но и арабского летоисчисления, указание даты по хиджре. Эта традиция продолжилась и после Октябрьской революции, когда помимо григорианского календаря указывались и даты по хиджре (например, [4, с. 300]).

Что касается фотографического материала, то подавляющее большинство снимков сделано самим автором. Представленные на этих изображениях каллиграфические надписи в отдельных случаях являются настоящими произведениями искусства, поскольку резчики-каллиграфы порой использовали картуш, украшенный изящным орнаментом, и/или раскрашенный натуральными цветными красками. А сами рельефные надписи зачастую выполнялись почерком насх, но встречается и *сулс*, *наста'лик* и *куфи* [4].

Рис. Почерк *суле*

Рис. Элементы почерка *наста'лик*

Рис. Почерк *насх*

Рис. Почерк *куфи* с характерным угловатым письмом

Рис. 2. Образцы арабского почерка, используемого в эпиграфических надписях в Ахтынском районе

В содержательном плане эпиграфические тексты представляли собой строительные и исторические надписи.

Строительные надписи

Строительные надписи в эпиграфике – это особый тип монументальных текстов, которые фиксируют обстоятельства строительства сооружения, его реконструкции или ремонта. Их главная задача – сохранить память о времени появления объекта, его создателях, заказчиках работ и значимых событиях, сопровождавших строительство. Строительные надписи могут содержать информацию об именах хозяев строения, (возможно) его отца, а также мастера, осуществившего строительные работы. Ценность этих материалов в их исторической достоверности, позволяющей детализировать и персонализировать некоторые важные исторические события.

Особенно ценным в монографии является то, что помимо простой фиксации самих текстов в ней проводится дополнительная кропотливая работа по сверке фамилий и имён, указанных в эпиграфических надписях с посемейными списками на предмет достоверности сведений. Закарияев З. Ш. провёл по сути дополнительную верификацию датированных сведений из эпиграфического материала, сопоставив их с архивным. При этом, общая тематическая направленность монографии «Мусульманская эпиграфика Южного Дагестана» выдерживается, поскольку основной массив информации связан со строительными надписями домов, где проживали мусульманские деятели, проповедники, кадии, муллы, знатоки арабского языка и т. д. Читатели получают подробные сведения о

местах их проживания, семье и даже тухуме. Например, строительная надпись на стене дома Мирзабека, сына хаджи Кухмаза, дополненная архивным материалом, позволяет узнать, что хозяин этого дома «был членом шариатского суда Самурского округа и одним из активных сторонников общедагестанского вооруженного восстания в округе в 1877 г., направленного против царских властей» [4, с. 70].

Из эпиграфических надписей на кладбищенских надмогильных плитах становится известно, что в селении Ахты захоронены: почтенный шейх, выдающийся ученый Мухаммад ал-афанди из Кудали из Аварии (ум. в 1263 г. х.) [4, с. 79]; шейх Исмаил, принадлежавший к мусульманской духовной элите Ахты (ум. в 1230 г. х.) [4, с. 86], кадий Самурской области Мирза-Али-эфенди (ум. в 1275 г. х.) [4, с. 88] и его сын – Насруллах-эфенди, который, как и его отец, был авторитетным ученым-богословом, имевшим собственное медресе, хотя в конце 40-х годов XIX в. все еще функционировало знаменитое медресе его отца [4, с. 106] и т. д.

Рис 3. «Большое святилище» (лезг. ЧIехи пIир)

Монография даёт некоторое представление о синкретизме исламских и доисламских верований. Его материальным воплощением были святилища и зияраты в Южном Дагестане, которые встречаются во всем исламском мире. Всего приведено 17 зияратов [4, с. 132–498]. Они, как правило, строились в местах захоронений выдающихся людей, знатоков исламских наук или тех, кто активно занимался распространением веры. Отдельный интерес представляет «Большое святилище» (рис. 3) из прямоугольного каменного сооружения длиной 400×130×92 см (рис. 1), в центре которого растет дерево. Жизнь и деятельность этого шейха приходится на XVI–XVII века – период очередной волны распространения в Дагестане суфийских идей, прежде всего тариката Халватийа, что привело к появлению в средневековый период целой плеяды суфийских шейхов.

Для интересующихся культовыми практиками в Дагестане можно было бы провести обсуждение таких материалов, поскольку их «усечённое» представление является упущением со стороны автора, и он может восполнить его в последующих своих исследованиях.

К строительным надписям следует отнести и те, что наносились при ремонте старых или строительстве новых мостов. В «Самурском регионе была широко распространена практика строительства или ремонта мечетей, мостов, родников и прочих общественных построек... Благодеяния подобного рода местные жители обозначали арабским термином ихсан. Такие благодеяния считались разновидностью милостыни [садака]» [4, с. 163]. Соответствующие надписи обнаруживаются на опоре мостов в селах Балуджа, Ухул, Храх и Ялак [4, с. 328; 395–396; 484]. Автору удалось обнаружить и верифицировать редкие для эпиграфики Дагестана т. н. вакфные записи о завещании обрабатываемого земельного участка с указанием его месторасположения или завещанного в пользу мечети Корана. Например, запись о завещании литографического джуза Корана мечети Калука свидетельствует о существовании в начале XX в. в селе такой мечети [4, с. 238], не сохранившейся до наших дней. Но если в эпиграфике вакфные записи редкое явление, то в книжной рукописной культуре они распространены. Об этом пишет Ибрагимова П. А., указывая на то, что зачастую их наносили «на полях рукописных книг из мечетских и частных собраний» [6, с. 111]. Эта практика фиксации записей на полях книг пришла в Дагестан из арабских стран вместе с самой арабоязычной рукописной книгой.

Исторические сведения

К условно другой категории надписей – *исторических сведений* – можно отнести информацию о значимых исторических событиях, содержащихся в эпиграфических надписях помимо сведений о строительстве или реконструкции мечети, зданий, сооружений. Такие надписи, как правило, начинаются либо с так называемого ***тахмида***[3], и зачастую это формулировка: «Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного…», либо с текста «Построили (бана) и отремонтировали (джаддада) стены...». А далее указывается, стены какого здания построены/отремонтированы: жилого дома или мечети, кто построил/отремонтировал и в какое время (г. х.). И далее информация может быть дополнена упоминанием каких-либо исторических событий.

Надписи очень разнообразны по охвату исторических событий: 1) о «разрушении селения Ахты сафавидскими войсками Йусуф-хана, что имело место в 1030 г. х.» [4, с. 43]; 2) чуме, появившейся в долине р. Самур в 1811 г. [4, с. 51]; 3) холере в 1830–1831 гг., 1891–1892 г.; 4) разрушении в 1782–1783 г. сел. Мискинджа в ходе военного столкновения сел. Ахты [4, с. 349]; 5) о разрушительном землетрясении в сел. Хнов в 1668-х гг. [4, с. 362] и т. д. Имеются сведения о земельной тяжбе сел. Гра с Курахом из-за пастбищных гор [4, с. 187] или об одной из самых старых пятничных мечетей – Джума-мечети в сел. Зрых (рис. 4), в стены которой вмонтировано множество каменных плит с арабскими надписями разных эпох, наиболее ранней из которых является куфическая запись в западной стене, датированная 563 г. х., что соответствует 1167–1168 гг. Это одна из древнейших датированных арабских надписей Дагестана и Российской Федерации в целом, «единственная сохранившаяся датированная надпись XII в. на территории Ахтынского района» [4, с. 201].

Рис. 4. Пятничная мечеть в сел. Зрых

Достаточно большое количество надписей связано с именами тех, кто активно участвовал в Кавказской войне [4, с. 313–314]) или Восстании горцев 1877 г. Многие из них были арестованы и окончили свой жизненный путь либо в сражениях в Ахты [4, с. 120], либо в тюрьмах Дербента и других населённых пунктов [4, с. 100] и захоронены на кладбище родного села.

Из монографии можно узнать некоторые социальные и гендерные нюансы общественного уклада местного населения. Например, мало для кого женщин делалась эпиграфическая надпись при захоронении, такой чести удостаивались женщины с высоким социальным статусом либо авторитетом. Среди единичных упоминаний можно привести некую Фатиму, внучку выдающегося дагестанского ученого-богослова, поэта и просветителя Хасана-эфенди ал-Алкадари ал-Кури (1834–1910) [4, с. 127] или некую Мариам, дочь Али-Маммата, невестку ахтынца хаджи Зекери – владельца самого большого частного дома в дореволюционном Ахты [4, с. 129] и т. д. Надмогильные надписи без учёта социального статуса встречаются после Октябрьской революции. Например, надмогильная стела с врезной эпитафией могилы некой Тамум из Кураха [4, с. 190] или Кул-ханум (Гюл-ханум) [4, с. 299].

[3] Араб. *тахмид* – многократное восхваление Аллаха.

В *Заключении* монографии автор делает критические замечания по имеющемуся эпиграфическому материалу. Отмечая недостатки надписей как самостоятельного источника (прежде всего эпитафий), он видит их в ограниченной информативности, количественной неравномерности в хронологическом отношении. У отдельных надписей отмечается дефектность, чрезмерная лаконичность, отсутствие дат или надежных обоснований датировки, особенно у надписей, выполненных почерками насх и сулс, поскольку в должной мере не разработана методика палеографического анализа различных стилей и почерков арабского письма, их локальных вариантов и периодизации. В монографии подчёркивается, что эпиграфические памятники на арабском языке являются надежным источником, и использование его в комплексе с другими видами исторических источников позволяет значительно расширить и качественно улучшить наши знания о прошлом народов Дагестана.

Заключение

Монография З. Ш. Закарияева представляет собой солидный научный труд, содержащий систематизированные и проанализированные исторические источники – мусульманские эпиграфические надписи. Их главный недостаток – своеобразная стандартизированность, «формульность». Вместе с тем это является и их сильной стороной, поскольку позволяет извлекать уникальные данные о частной жизни, общественно значимых событиях, социальной структуре местных народов. Попавшие в эпиграфические тексты имена, фамилии, даты как усопших, так и мастеров, представляют собой важный источник для ономастики (изучения имён) и генеалогии. Оказавшиеся в фокусе внимания эпиграфические надписи в подавляющем большинстве сообщают нам сведения о лицах, составлявших религиозную элиту, совершивших хадж либо участвовавших в «священных» войнах.

Приведённые в надмогильных текстах строки Корана, наличие сохранившихся святилищ отражают характер мировоззрения, эволюцию погребальных обрядов, религиозных практик и т. д. Сообщения о захоронениях павших во времена Кавказской войны и Восстания 1877 года обогащают военно-политическую историю, делая её более персонифицированной.

Монография позволяет заполнить «белые пятна» истории, где не хватает письменных свидетельств, где важно реконструировать повседневную жизнь вплоть до мелочей, где нужно установить социальные связи, характер верований, передать через персонификацию трагичность событий прошлого.

Монография может быть интересна широкому кругу читателей, исламоведам, историкам, регионоведам, интересующимся историей, религией и бытованием народов Южного Дагестана.

Литература

1. Аликберов, А. К. Арабоязычные сочинения дагестанских авторов в коллекции Института восточных рукописей РАН / А. К. Аликберов, И. А. Чмилевская // Ориенталистика. 2023. Т. 6, № 5. – С. 870–885.

2. Закарияев, З. Ш. Новые находки арабских надписей XI–XVIII вв. в селениях Ахтынского района Дагестана / З. Ш. Закарияев // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18, № 3. – С. 558–584.

3. Закарияев, З. Ш. Новые данные арабоязычных эпиграфических памятников по истории суфизма в Дагестане / З. Ш. Закарияев // Исламоведение. 2012. № 4 (14). – С. 97–102.

4. Закарияев, З. Ш. Мусульманская эпиграфика Южного Дагестана. Т. I. Надписи Ахтынского района / отв. ред. В. О. Бобровников; Институт востоковедения РАН;

Дагестанский государственный университет; З. Ш. Закарияев. – Москва: Наука; Вост. лит., 2025. – 543 с.

5. Закарияев, З. Ш. О содержании двух средневековых арабских эпитафий из лезгинских селений Миджах и Маза / З. Ш. Закарияев // Эпиграфика Востока. 2024. Т. 38, № 1–2. – С. 93–102.

6. Ибрагимова, П. А. Вакфные записи на полях арабских рукописных книг / П. А. Ибрагимова // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2013. № 51. – С. 111–115.

7. Маламагомедов, Д. М. Новые арабографические письменные памятники культуры и литературы народов Дагестана [На материале рукописного фонда ИИАЭ ДНЦ РАН] / Д. М. Маламагомедов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 2 (36). – С. 172–175.

8. Мусаев, М. А. Результаты эпиграфической экспедиции в Дахадаевский район Дагестана в 2020 г. / М. А. Мусаев, Ш. Ш. Шихалиев, М. Г. Шехмагомедов // История, археология и этнография Кавказа. 2021. Т. 17, № 4. – С. 1084–1129.

9. Наврузов, А. Р. Итоги археографических исследований в Дагестане в 2015–2016 гг. / А. Р. Наврузов, А. Р. Шихсаидов, Г. М. Оразаев [и др.] // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2017. № 2 (50). – С. 173–180.

10. Османова, М. Н. Традиции восточной каллиграфии в арабоязычной литографированной книге Дагестана начала XX века / М. Н. Османова // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. – С. 393.

11. Шихсаидов, А. Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник / А. Р. Шихсаидов. – Москва: Наука, 1984. – 464 с.

References

1. Alikberov, A. K., Chmilevskaya I. A. Arabic-language works by Dagestani authors in the collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. *Orientalism* 6, no. 2 (2023): 870–885. (in Russian).

2. Zakariyaev, Z. Sh. New finds of Arabic inscriptions from the 11th -18th centuries in the villages of Akhty District of Dagestan. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*, vol. 18, no. 3 (2022): 558–584. (in Russian).

3. Zakariyaev, Z. Sh. New data from Arabic-language epigraphic monuments on the history of Sufism in Dagestan. *Islamovedenie*, vol. 14, no. 4 (2012): 97–102. (in Russian).

4. Zakariyaev, Z. Sh. *Muslim Epigraphy of Southern Dagestan. Vol. 1. Inscriptions of Akhty District*. Moscow: Nauka. Vost. Lit., 2025. 543 p. (in Russian).

5. Zakariyaev, Z. Sh. On the Contents of Two Medieval Arabic Epitaphs from Lezgin Villages of Midzhakh and Maza. *Epigraphy of the East,* vol. 38, no. 1–2 (2024): 93–102. (in Russian).

6. Ibragimova, P. A. Waqf Inscriptions in the Margins of Arabic Manuscripts. *Bulletin of Dagestan Research Center of the Russian Academy of Sciences*, no. 51 (2013): 111–115. (in Russian).

7. Malamagomedov, D. M. New Arabic-script written monuments of the culture and literature of the peoples of Dagestan [Based on the manuscript collection of the Institute of History and Ethnography of Dagestan Research Center of the Russian Academy of Sciences]. *Bulletin of Volgograd State Pedagogical University*, vol. 36, no. 2 (2009): 172–175. (in Russian).

8. Musaev, M. A., Shikhaliev, Shamil Sh., Shekhmagomedov, Magomed G. Results of the epigraphic expedition to Dakhadaevsky district of Dagestan in 2020. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*, vol. 17, no. 4 (2021): 1084–1129. (in Russian).

9. Navruzov, A. R., Shikhsaidov, A. R., Orazaev, G. M. et al. Results of archaeographic research in Dagestan in 2015–2016. *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*, vol. 50, no. 2 (2017): 173–180. (in Russian).

10. Osmanova, M. N. Traditions of oriental calligraphy in the Arabic-language lithographed book of Dagestan in the early twentieth century. *Modern problems of science and education*, no. 3 (2013): 393. (in Russian).

11. Shikhsaidov, A. R. *Epigraphic monuments of Dagestan of the 10th–17th centuries as a historical source*. Moscow: Nauka, 1984. 464 p. (in Russian).